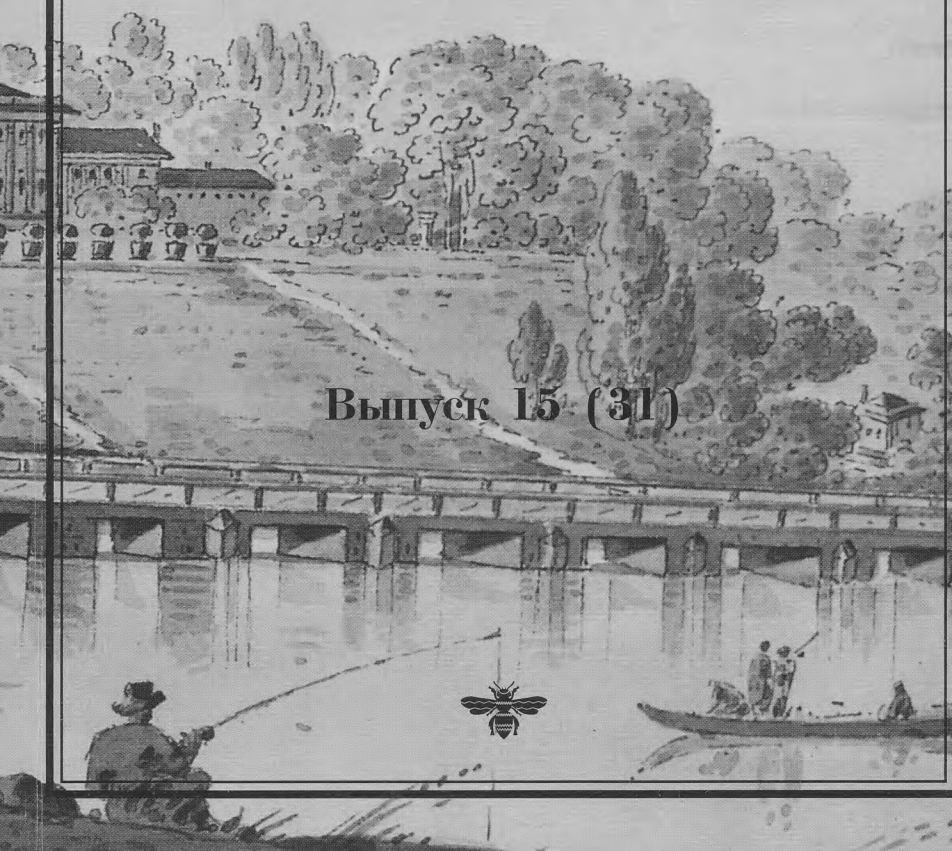


РУССКАЯ УСАДЬБА

Выпуск 15 (31)



УДК 728.8 (47+57)

ББК 85.113 (2) 1

С 23

Сборник одобрен Ученым Советом НИИТАГ РААСН. Рецензент — доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН И.А. Бондаренко.

Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 15 (31). Колл. авторов. Научный ред.-сост. М.В. Нащокина. М., Издательство «Улей», 2009. 704 с.: илл.

Сборник Общества изучения русской усадьбы «Русская усадьба» №15 состоит из нескольких тематических разделов, которые представляют наиболее популярные в последние годы направления исследований в усадьбоведении. В нём собраны разнообразные материалы, характеризующие судьбу усадебного наследия, усадебную феноменологию, садово-парковое искусство, истории отдельных усадеб и их владельцев, историко-архитектурные исследования, усадебные мемуары. Традиционно представлены хроника вандализмов, материалы по истории Общества и хроника ОИРУ.

На 1-ой и 4-ой страницах обложки: «Пехра-Яковлевское. Вид усадьбы со стороны реки Пехорки». Неизв. худ. 1810 г. ГИМ.

Для оформления оборота титула и шмуцтитулов использована графика К.А. Сомова, А.И. Остроумовой-Лебедевой, Е.Е. Лансере, А.И. Кравченко и других художников.



- © Общество изучения русской усадьбы. 2009.
- © М.В. Нащокина. Научная редакция. Составление. 2009.
- © М.В. Нащокина. Оформление. Макет. 2009.
- © ООО «Издательство «Улей».
- © Архитектурная мастерская С.Б. Ткаченко.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена и использована в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-91529-011-1

Л.А. Перфильева, Д.Ю. Филиппов

УСАДЬБА ФАВОРИТА.
«Красное» А.П. Ермолова (Рязанская обл.)

В настоящее время историческая усадьба Красное (Михайловский р-н, Рязанской обл.) является подворьем московского Сретенского монастыря. В середине 1990-х гг. здесь (дер. Слободка) был основан скит во имя преподобного Серафима Саровского, а 21 июля 2006 г. был освящён восстановленный усадебный храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Исторические исследования по усадьбе проводились в 2006 г. в связи с разработкой проекта реставрации памятников ансамбля. В них приняли участие специалисты института «Спецпроектреставрация» (Москва) в содружестве с ООО «Ландшафтная мастерская В.А. Агальцовой «Русский сад». В работе были использованы материалы, любезно предоставленные нам А.В. Чекмарёвым и И.Ю. Яровым. Извлечения из Государственного архива Рязанской области принадлежат главному архивисту ГАРО, канд.ист.наук Д.Ю. Филиппову, который выступает соавтором данной статьи.

Посвящение статьи Т.П. Каждан не случайно: при жизни Татьяна Павловна предоставила для наших целей материалы своих исследований (кроки обмеров, полевые записи, фотографии), поделилась давними впечатлениями о памятниках усадьбы Красное. Считаем также необходимым почтить память еще одного исследователя — архитектора В.В. Ушакова¹, для которого интерес к усадьбе Красное явился делом всей жизни. Благодаря его энтузиазму, в коллекции ГНИМА им. А.В. Щусева до наших дней сохранился уникальный изобразительный материал, дающий представление о состоянии памятников ансамбля в 1910-1920-х гг., восполняя для нас утраты последующих десятилетий.

Из истории усадьбы

Обширное земельное владение в бывшей Михайловской округе Рязанской губернии с плодородными пахотными угодьями, простиравшимися «по левой стороне речки Барановки и оврага Градского, а также по правым берегам речек Громки, Студёнки, Козловки и Прони, и по обеим сторонам пяти безымянных отвершков», в нач. XVII в. принадлежало князю Василию Масальскому, а к 1629 г. перешло к Андрею Дмитриевичу Есипову². Тогда уже в Красном была приходская церковь во имя св. Николая Чудотворца: «деревянная, клецки», с колокольной. В 1676 г. в её приходе состояло 3 боярских, 2 бобыльских и 45 крестьянских дворов³. По данным Генерального межевания 1770-х гг., совладельцами земель при с. Красном были унтерлейтенант флота Ф.И. Головин (324 кр. душ), П.С. Гагарин (87 душ) и П.Д. Есипов —



Церковь Казанской иконы Божией Матери. 1801-1809 гг.

Фото В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.

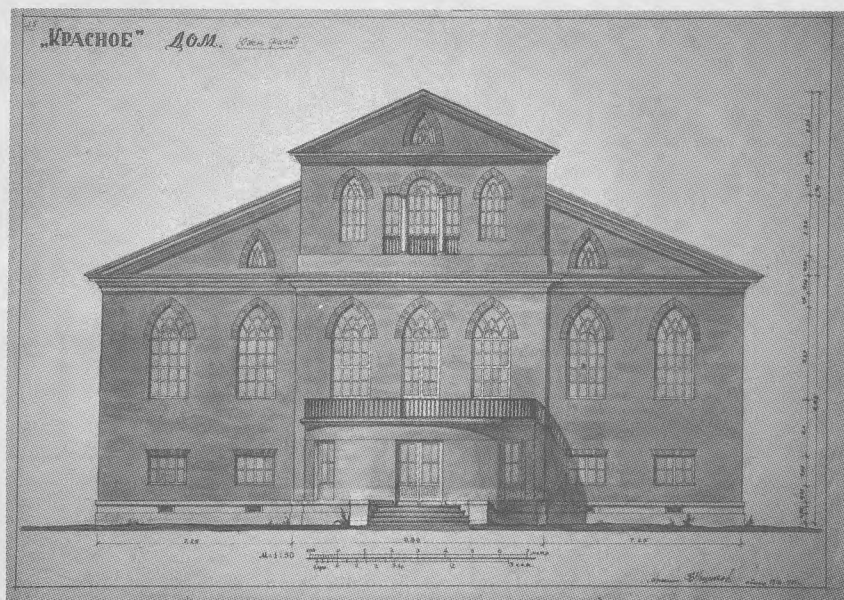
один из наследников прежних владельцев Красного, с оставшимися за ним 7-ю душами крепостных. К этому времени от старых вотчин сохранились два господских пруда «по сторонам безымянного отвершка»⁴.

Больший из вотчинных наделов Красного в кон. XVIII в. принадлежал Фёдору Ивановичу Головину. В нём одном была устроена господская усадьба с деревянным господским домом «без саду».

В 1772 г. его часть имения перешла по духовному завещанию к племяннику коллежскому советнику Ивану Сергеевичу Головину⁵, который в 1783 г. продал её за 47 тыс. руб. полковнику Фёдору Ивановичу Бобарыкину⁶ — и без того крупному землевладельцу, помещику Рязанской губернии. В 1780-1790-х гг. Ф.И. Бобарыкин вместе с супругой обустроивал их главную рязанскую усадьбу — старинную вотчину с. Никольское (Осово). Состояние Бобарыкиных было сколочено на казённых винных подрядах и на спекуляциях землей и имениями. Известно, что в 1769 г. Фёдор Иванович приобрёл у генерала А.Н. Волконского обустроенную «подмосковную» Каменка (Богородский у.) с большим господским домом эпохи барокко, а через год перепродал её обер-провиантмейстеру М.Г. Окулову⁷. В Красном в 1780-х — нач. 1790-х гг. Бобарыкины устроили винокурный завод, почти вдвое увеличив количество крепостных; что увеличило и общую стоимость имения при его очередной продаже.

В 1793 г., после смерти отца, наследники Ф.И. Бобарыкина Михаил и Александр продали Михайловскую вотчину, состоявшую в залоге в Государственном Петербургском «осьмилетнем» дворянском банке, «генерал-майору и разных орденов кавалеру» Александру Петровичу Ермолову. В купчей значалось: «село Красное и сельцо Павелково с усадебною землею с пашнею, с лесы и санными покосы, и в том селе Красном и сельце Павелкове господским хоромным и всяким крестьянским и огуменным строением, и с имеющейся в господском доме мебелию, и с прудами и мельницею, состоящею на реке Проне, с хлебом для господина посеянным же озимым и яровым всяким нынешнею весною и с посеянным озимым нынешнего года к будущему, да дворовых людей и крестьян мужеска пола 526 душ ценою за 85 тысяч»⁸. Все обязанности по залогу имения переходили на нового владельца. Часть земли и угодий в Красном продолжали числиться за Головиными и Есиповыми⁹, позднее и они присоединились к имению Ермоловых.

Как видно из документов, при переходе усадьбы от Бобарыкиных к Ермоловым, каменных построек в усадьбе не было, а имелось лишь деревянное — «хоромное»



Главный дом. Южный фасад. Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 г. ГНИМА.
Публикуется впервые.

господское строение, находившееся в соседстве с крестьянскими дворами. Не было и сада. Что бесспорно свидетельствует о создании существующего ансамбля с пейзажным парком и каменными постройками новым владельцем — А.П. Ермоловым (1754-1834)¹⁰. За отсутствием письменных данных, о масштабе произведённых им работ по созданию усадебного комплекса на рубеже XVIII-XIX вв. косвенно свидетельствует опись имения, составленная позднее. В описи 1841 г. впервые упомянут «сад» и «каменные господские постройки», которые полвека спустя — в 1880-х гг. назовут «старинными». В ней же значится: «...за Гвардии подпоручиком Фёдором Александровичем сыном Ермоловым¹¹ в единственном владении и наличности состоит в селе Красном по нынешней 8-ой ревизии крестьян 238 д., дворовых 3 д., при оном имении состоит земли пашенной 852 дес. 1928 саж., луговой земли 200 дес., лесу строевого 50 дес., мелкокося 200 дес. примерно, неудобной земли 153 дес. примерно, под поселением, конопляниками и огородами 158 дес. Сад плодovitый примерно на трех десятинах». Из неё же узнаем об усадебных постройках и заведениях: «Господский дом каменный <...>, два каменных флигеля <...>, конный двор каменный с конюшнями <...>, скотный двор <...>. Каменная кузница <...>». А также: «Четыре пруда с рыбою, птичий двор с двумя жилыми комнатами, крыт соломою, погреб деревянный крыт тесом, баня деревянная крыта черепицею, рига и два овина каменные крыты соломою, при гумне сарай деревянный крыт соломою. Во особе отхожем месте на реке Проне, принадлежащей селу Красному, имеется мукомольная мельница о девяти поставках с сукновальнею и толчею, при мельнице две

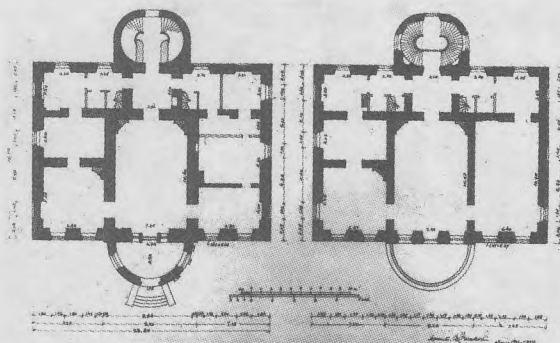
избы деревянные жилые с двором крыты соломою. Господский скотный двор и при нем две жилые деревянные избы, крыты соломою, при оной мельнице пахотной и луговой земли примерно 313 десятин 558 сажень. При мельнице единственного владения 1 десятина 2069 сажень...»¹².

Уникальным документом, содержащим дату возведения каменных служб в усадьбе, является гравюра, изображающая «Конюшенный двор и Кузницу» и сообщающая об их постройке в 1795 году «его превосходительством генерал-майором А.П.Ермоловым»¹³.

В виду того, что с 1800 г. А.П.Ермолов постоянно жил за границей, имением в 1801-1805 гг. управлял по доверенности «служитель Ф.С. Шаров», а в дальнейшем — управляющий московским домом Ермоловых губернский секретарь Ф.И. Иванов¹⁴. Все купчие и закладные по имению традиционно заключались в Москве; надо полагать, что там же заключались и строительные подряды, но таковые не обнаружены. Каменное строительство в усадьбе укладывается в период с 1793 по 1809 гг. Возведение каменной Казанской церкви фактически поставило точку в формировании ансамбля. Бывавший в России наездами, А.П. Ермолов лично присутствовал на освящении усадебного храма 17 августа 1809 г.¹⁵; по его указанию в тимпане фронтона над западным входом в церковь была сделана надпись: «От щедрот Великия Екатерины».

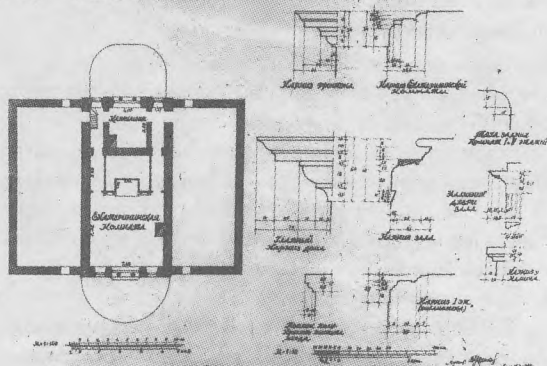
В 1824 г. имение было заложено¹⁶. По завещанию А.П. Ермолова после его смерти в 1834 г. Красное с 444-мя душами крепостных м.п. досталось его младшему сыну

„Красное“ ПЛАНЫ ДВОРА 1^{го} и 2^{го} эт.

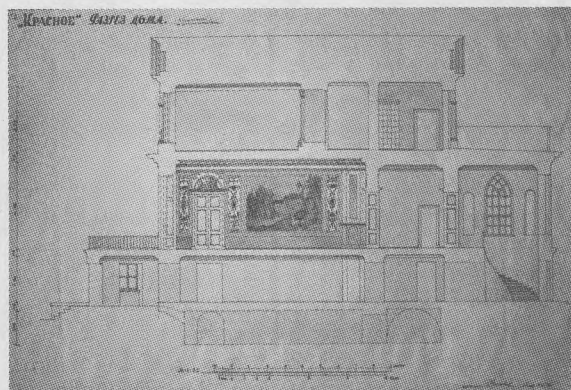
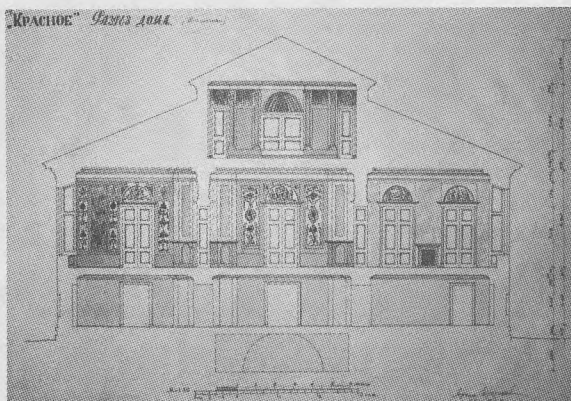


Главный дом. Планы 1 и 2 этажей. Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.

„Красное“ ПЛАН 3^{его} этажа



Главный дом. План мезонина. Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.



Главный дом Продольный и поперечный разрезы.

Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА.

Публикуется впервые.

братьями перешло к Петру Николаевичу Реткину, официально введенному во владение в 1854 г.¹⁹. При нём Красное процветало: здесь шла активная хозяйственная жизнь, производились перестройки и ремонты старинных зданий, сооружались новые. В пореформенный период, желая отмежеваться от крестьян, владелец перенёс их дворы на две версты к северо-западу от прежнего места. После смерти П.Н. Реткина в 1883 г. Красное досталось его вдове Пасковье Николаевне (урожд. Гагариной), вскоре же продавшей это имение подполковнику Якову Григорьевичу Жилинскому — петербуржцу, видному политическому и военному деятелю рубежа XIX-XX вв.

В 1886 г., при очередном залоге имения, вновь составлялась опись усадьбы, отразив перемены в её ансамбле за период с 1840-50-х до 1880-х гг.²⁰. Этот документ не в первый и не в последний раз опровергает распространённый миф «серебряного века» о «гибели» дворянской усадьбы к концу XIX сто-

Фёдору Александровичу (1797-1845), перезаложившему имение в 1841 г.¹⁷, а в 1842-м продавшему его рязанскому помещику — губернскому предводителю дворянства Николаю Николаевичу Реткину (1836-1842). В описи за 1842 г., составленной в связи с принятием Реткиным долга по имению, данные предшествующей описи частично уточнены. В ней названы: «сад с произрастанием, в коем одна оранжерея каменная», «беседка крытая соломою», и «парадные коюшни»¹⁸.

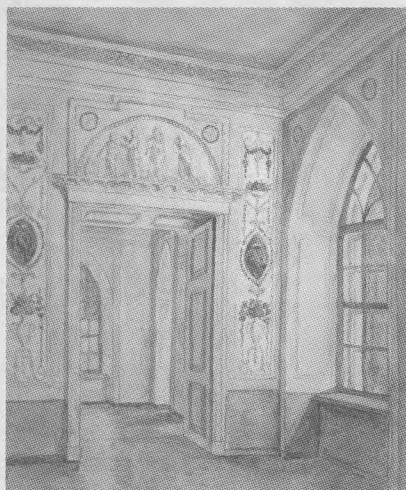
После смерти Н.Н. Реткина (1842), по болезни вдовы владельца и несовершеннолетию наследников, до 1848 г. Красное состояло в опеке. Затем по разделу между

летия. Трудами П.Н. Реткина (1854-1883), а затем Я.Г. Жилинского (1883-1917), экономика Красного неизменно процветала с сер. XIX в. до революции 1917 г. Крестьянские погромы 1905 г. усадьбу пощадили. При общем количестве земли в 1215 дес. 1193 саж. («хорошего качества» и «высокой производительности»), усадебным строением и гумном было занято 11 дес., фруктовым садом «с хорошим состоянием плодовых деревьев» — 14 дес., под парком «из различных пород леса по возрасту от 30 до 100 лет» 28 дес., под огородом 1 дес. Более 900 дес. отводилось под пашню, 57 под сенокос, 4 дес. под выгон, 107 дес. 118 саж. оставались под лесными угодьями. В имении развивалось скотоводство: содержалось 184 головы крупного скота, включая около 80-ти породистых лошадей. В детальной описи имения от 1909 г. даётся характеристика парка с указанием возраста деревьев: «от 50 до 120 лет». Деревьям-старожилам соответствовал возраст некоторых каменных зданий «старинной постройки». При этом отмечалось, что парк находится в хорошем уходе, а лес регулярно вычищается²¹. При Жилинских до 1907 г. управляющим Красного служил Григорий Игнатьевич Соколов, открывший в имении торфяные разработки; далее его сменил «ряжский мещанин Н.М. Пономарев».

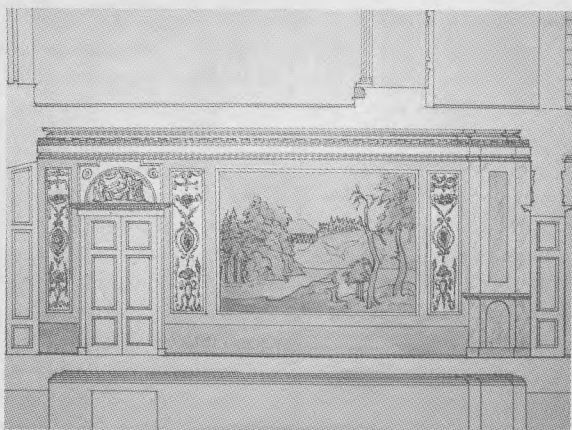
Приобретение Я.Г.Жилинским благополучного рязанского имения с историческим парком и уникальным архитектурным ансамблем явно не случайно. Оно было приурочено к рождению в том же 1883 г. дочери Марии, ставшей единственной наследницей. В 1905 г. Марию Яковлевну Жилинскую приняли ко двору и пожаловали во фрейлины. В 1912 г. она вышла замуж за гвардии поручика в отставке Николая Анатолевича Астафьева. Тогда же Я.Г. Жилинский передал Красное зятю с правом полного распоряжения имением; а в январе 1917 г. он же оформил дарственную на имя дочери²².



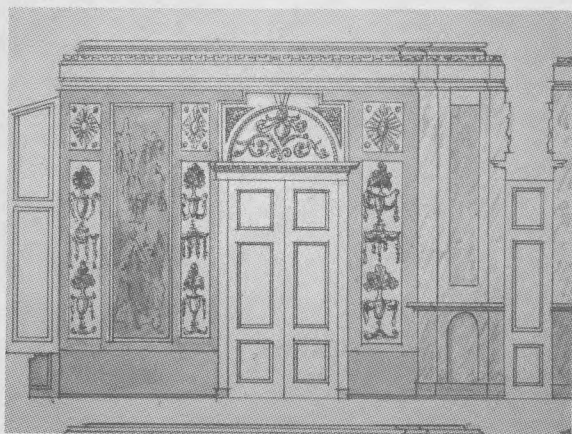
Интерьер гостиной. Рисунок В. Ушакова.
1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Интерьер залы. Рисунок В. Ушакова.
1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Зала главного дома. Продольный разрез. Реконструкция архит. Е. Герасимовой. 2006 г.



Интерьер гостиной главного дома. Поперечный разрез. Реконструкция архит. Е. Герасимовой. 2006 г.

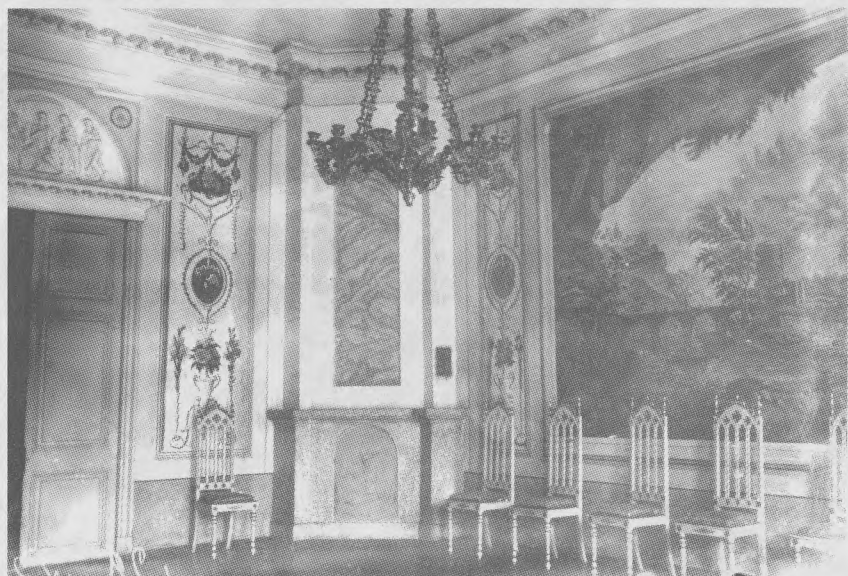
Недостаточность письменных источников отчасти компенсируется уникальными изобразительными документами, оставленными В.В. Ушаковым — его фотографиями 1910-1920-х гг., обмерами, чертежами и рисунками. Только они позволяют в настоящее время составить представление о первоначальном виде господского дома и других, сохранившихся или утраченных, построек ансамбля усадьбы Ермоловых. Посещая Красное в 1916-1918 гг., В.В. Ушаков ещё застал в нём последнего из владельцев усадьбы и видел господский дом почти в том виде, в каком он был создан на рубеже XVIII-XIX вв. По его свидетельству, Я.Г. - Жилинский — образованный столичный военный чиновник, немало не сомневался, что живет в усадьбе, созданной архитектором В.И.

Баженовым, и даже ссылался на якобы имеющиеся у него документы — но Ушакову их не представил. Было ли это правдой, или ещё одним «мифом серебряного века», теперь сказать невозможно²³. Отправляясь в 1950-х гг. в усадебную экспедицию вместе со своим коллегой-единомышленником Г.И. Гунькиным, Т.П. Каждан предполагала увидеть в Красном постройки «руки В.И. Баженова». Круглый «Скотный двор» в псевдогоthicеских формах декора, как кажется, оправдал ожидания исследователей; но в отношении архитектуры господского дома — ссылаясь на тогдашние впечатления, Татьяна Павловна Каждан высказывалась с достаточной осторожностью. Так или иначе, «бажендовская загадка» Красного, остаётся не решённой, и нам предстоит сделать свою попытку в её разгадке, начав с архитектуры главного дома.

Архитектура главного дома

Барский дом А.П. Ермолова является композиционным центром усадебного ансамбля, располагаясь на пересечении продольной и поперечной осей пейзажного парка. Южным фасадом он обращён к пологому террасному склону, спускающемуся к берегу пруда; северный фасад выходил на открытый партер, намечая направление одной из прямых аллей в системе пейзажного парка, разбивавшегося начиная с 1793-1794 гг. одновременно с возведением главного дома.

Письменных документов о доме немного. Из Экономических примечаний к плану Генерального межевания (1770-1771): «село Красное... Дом господский деревянный без саду, флота унтер-лейтенанта Федора Иванова сына Головина...»²⁴. Выше отмечалось, что не было каменного дома и в 1793 г.. Но не приходится сомневаться, что он был построен в ансамбле одним из первых, то есть где-то в середине 1790-х гг. Первые его описания относятся к 1841-му²⁵ и к 1842-му гг.: «...В селе Красном господского строения каменный дом о трех этажах, снаружи в раскреповку, окрашен красною краскою из масла, а внутри оштукатурен, с двумя каменными флигелями, крытыми железом; в доме покоев разного пространства 24 комнаты, в коих дверей створчатых столярной работы с вдолбными медными замками 35...»²⁶. Описи конца 1880-х гг. сообщают габариты здания, уточняя детали нового обустройства после недавно проведённого ремонта²⁷: «Каменный двухэтажный дом с мезонином», крытый железом, длиной 33 аршина, шириной 24 аршина, высотой 24 аршина; в доме 22 комнаты». По версии 1888 г.: «дом старинной постройки», 21 комната: 10 комнат в первом этаже, 7 комнат во втором этаже, 4 комнаты в мезонине. В это время дом отапливался 4-мя духовы-

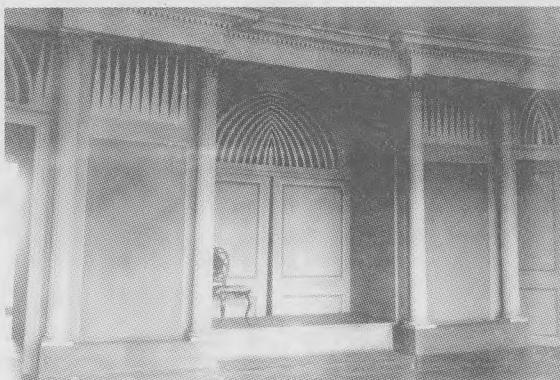


Главный дом. Фрагмент интерьера. Фото В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Главный дом. Интерьер залы. Фото В. Ушакова. 1916 г.
ГНИМА. Публикуется впервые.

ного, сложенного из красного кирпича объёма, всецело обеспечена пропорциями плана и фасадов, близкими к «золотому сечению». Оригинальность зданию придают крупные окна второго этажа с их стрельчатыми завершениями, определяющими «готический» образ постройки. Для облицовки цоколя и венчающих карнизов использован желтоватый известняк. Фасады не штукатурились; для сохранения фактуры кирпича изначально они красились «красной масляной краской в руст»²⁸. Центр широких фасадов выделяла легкая раскреповка ризалитов в ширину мезонина, перекрытого, в свою очередь, на два ската. Фронтоны двускатной кровли мезонина подчеркивали симметрию главных фасадов и формировали силуэт здания, ориентируя его в пространстве ансамбля. Боковые части здания покрывались на один скат, создавая в композиции главного фасада оригинальные «полуфронтоны», фланкирующие основание мезонина. При кажущейся простоте



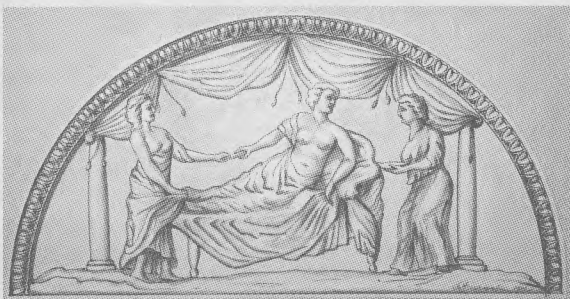
Главный дом. Екатерининская комната (спальня)
Фото В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА Публикуется впервые.

ми, 2-мя голландскими и 2-мя железными печами; кроме них было 3 камина. Что-то из этого набора появилось уже при Ретких.

В натуре это компактное, прямоугольное в плане двухэтажное здание с подвалом и мезонином, несколько неожиданное по скромному для усадебных дворцов «золотого века» виду. Гармония почти не декорированного композиционных приёмов во всём видна тонкая изобретательность зодчего. При отсутствии развитого пластического декора неуловимая «игра» размерами, формой и расположением окон в разных этажах была едва ли не главным художественным приёмом зодчего. Главные фасады отличались друг от друга количеством оконных осей и устройством входов.

Настоящие и «ложные» окна на торцевых фасадах поддерживали ритм и повторяли форму окон главных фасадов, обеспечивая одинаковый эффект при внешнем восприятии здания со стороны парка с разных точек зрения. Высокие окна главного этажа отличались наибольшими размерами и стрельчатым завершением. Им вторили такие же «готические» окна мезонина — чуть меньшие, но тех же пропорций. В венчающих фронтонах и боковых «полуфронтонах» помещены, тоже стрельчатые, «слуховые» окошки, идентичные фрамугам верхних окон. Неожиданными среди них кажутся трёхчастные «палладианские» окна мезонина с классическими колонками в межоконных простенках. Неслучайность появления в композиции «классицизированных» элементов подтверждается первоначальным устройством южного крыльца, в дальнейшем уничтоженного. Обращенное к саду, оно изначально имело вид колонного портика, поддерживающего полукруглый балкон; но впоследствии колонны заменили каменными стенами, образовавшими полукруглый вестибюль²⁹.

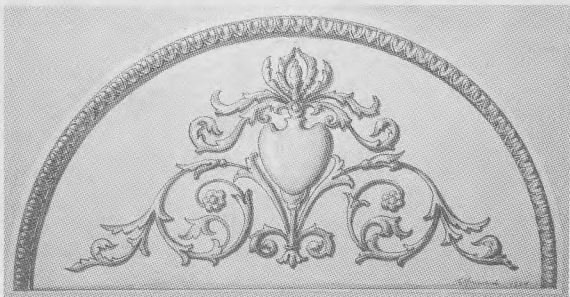
Главным входом служил полукруглый каменный вестибюль с северной стороны дома; внутренняя овальная



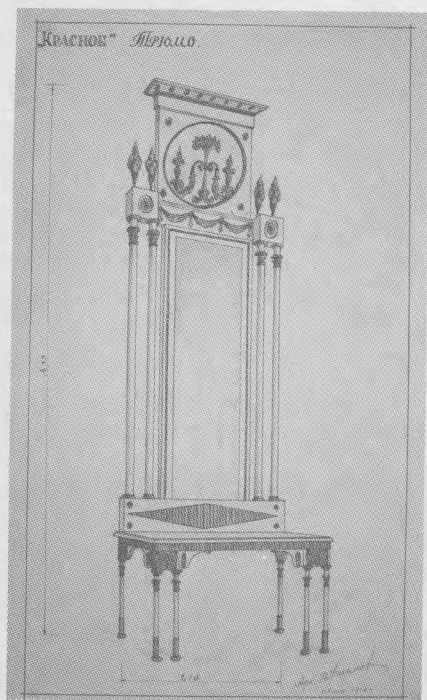
Главный дом. Наддверие гостиной. Копия архит. В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.



Главный дом. Наддверие гостиной. Копия архит. В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.

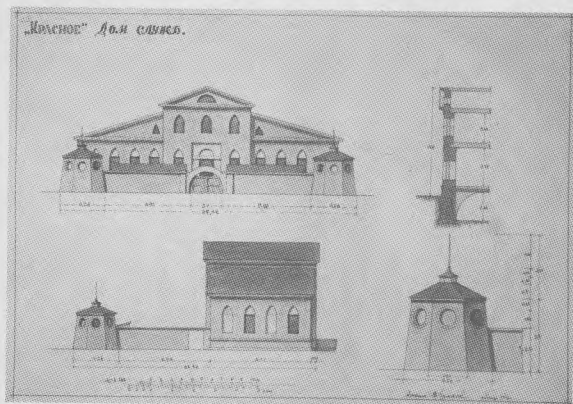


Главный дом. Наддверие гостиной. Копия архит. В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.



Трюмо гостиной главного дома в Красном. Акв. В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.

дины XVIII в. Несомненно, что автором его постройки был незаурядный зодчий эпохи. Об этом же свидетельствуют интерьеры дворца по тем данным, кото-



Служебные флигели (не сохранились) Чертеж В. Ушакова 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.

лестница с ажурной металлической решеткой «а la госсосо», вела к парадным помещениям второго этажа³⁰. Подобные вестибюли в особняках эпохи классицизма известны. К примеру, по дому Р.Е. Татищева в Москве (1770-е гг.), или раннему (эпохи Баженова) дворцу усадьбы Быково под Москвой, полвека спустя перестроенному³¹. Ряд деталей устройства вестибюля дома в Красном указывают на его художественную незавершенность. Возможно, что предполагалось дополнительное украшение его фасадов деталями белокаменного «готического» декора; чего нельзя утверждать в отношении фасадов главного объема дома.

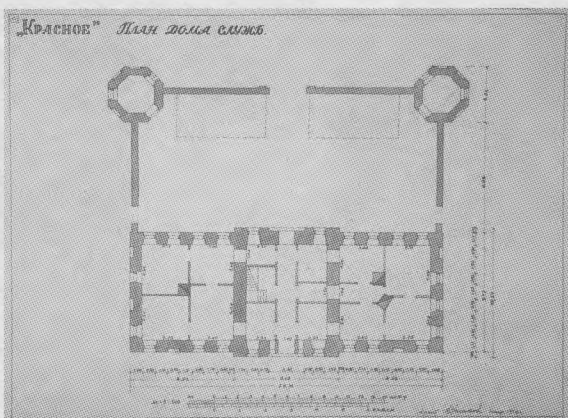
Архитектура дома А.П. Ермолова в Красном весьма оригинальна, не имея прямых аналогов. В ней представлен особый тип загородных дворцов, отчасти восходящих к образу итальянских вилл, а отчасти воспроизводящих тип английских загородных коттеджей, входивших в европейскую моду начиная с середины XVIII в. Несомненно, что автором его постройки был незаурядный зодчий эпохи. Об этом же свидетельствуют интерьеры дворца по тем данным, которые оказались нам доступны.

Внутренняя планировка примерно одинакова в первом и втором этажах: в нижнем находились служебные помещения, в верхнем — парадные апартаменты владельца; небольшие габариты плана заставили перенести часть парадных комнат в мезонин. Под центральной частью устроен под-

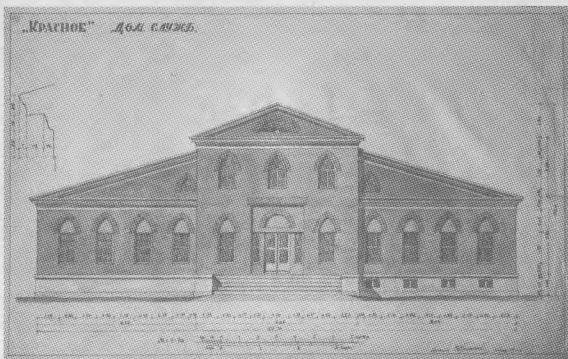
вал из двух сводчатых помещений. Предназначавшийся для духовых печей, он вполне типичен для помещений такого же назначения в знаменитых московских особняках рубежа XVIII-XIX вв. из хорошо известных «Альбомов» М.Ф. Казакова³². Связь с традициями московской школы зодчества конца XVIII в. ещё более очевидна при анализе особенностей планировки парадного этажа и его художественной отделки.

Продольная капитальная стена делит внутреннее пространство дома на две неодинаковые части: большую по ширине южную — парадную половину дома, и меньшую — северную часть, с комнатами-прихожими в обоих этажах, расположенными по центру. По сторонам от «прихожей» во втором этаже имелись подсобные помещения с внутренними винтовыми лестницами и, соседними с ними, «туалетными». Юго-восточный угол главного этажа занимала столовая, связанная с буфетной — комнатой в северо-восточном углу здания. Центр парадной анфилады занимала зала в три окна на юг с симметричными угловыми печами. К ней примыкала квадратная гостиная в юго-западном углу здания; за ней вдоль западной внешней стены следовали комнаты хозяина: его кабинет³³ и спальня.

Отличительная черта интерьеров дворца в Красном — ощущение пространственной и художественной целостности всех парадных помещений главного этажа, и их взаимосвязь с природой за пределами внешних стен дома. Этой задаче отвечают крупные «готические» окна с низко опущенными подоконниками, прямыми боковыми откосами и стрельчатыми завершениями проёмов. Обращённые на



Служебные флигели (не сохранились) План. Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА. Публикуется впервые.



Главный фасад служебного флигеля (не сохранился). Чертеж В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Флигель на въезде в усадьбу.

Фото В. Ушакова 1910-х гг. ГНИМА.

Публикуется впервые.



Флигель главного дома на въезде в усадьбу. Вид с запада. Фото 1916 г. ГНИМА.

Публикуется впервые.

восток, на юг и на запад, они — на протяжении всего светового дня — заливали парадную анфиладу светом под разными углами. Задаче визуальной взаимосвязи пространств отвечали большие проёмы дверей между помещениями, а общему впечатлению целостности способствовало стилистическое единообразие декора интерьеров. Разбивка поверхности стен профилированными тягами диктовалась общими закономерностями художественной системы классицизма. Откосы окон и дверей отделялись искусственным мрамором, декорировались тянутыми профилями. Искусственный мрамор нежных оттенков (белый, желтоватый, светло-голубой, светло-розовый) украшал стены столовой, залы и гостиной. В полукруглых нишах над проёмами дверей помещались фигурные барельефы. Везде одинаковыми были дубовые паркетные полы и двухстворчатые филенчатые двери с металлическими (бронзовыми) приборами. Качество штукатурных и лепных работ (филенки, галтели, многообломные карнизы с модульонами, розетками и проч.) было очень высоким.

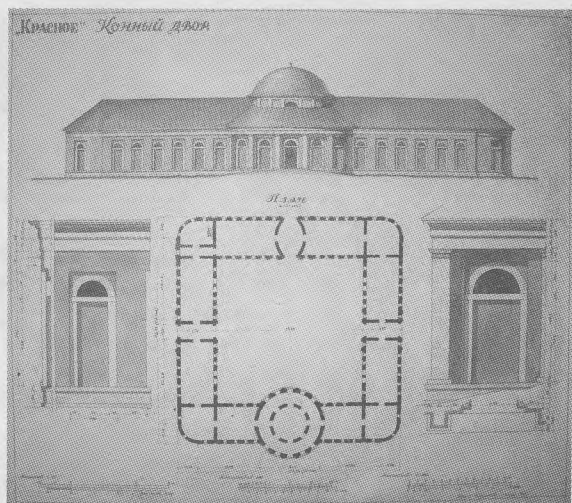
Главный художественный эффект в интерьере порождало виртуозное сочетание живописной и пластической отделки. Продольные стены залы украшали живописные панно, выполненные сепией в красно-коричневых тонах. Они представляли фантастические пейзажи с эмоционально-выразительным архитектурным стаффажем: мельницей на водопаде, руинами башни и моста, одинаково напоминая как архитектурные фантазии Пиранези, так и романтические полотна Г. Робера. Такие росписи в интерьерах богатых городских и загородных особняков были в большой моде на рубеже XVIII-XIX вв. К сожалению, в Москве большая часть из них погибла в пожаре 1812 года. Обратившись к «Архитектурным альбомам» М.Ф. Казакова, отметим типологическое сходство интерьеров дворца в Красном с отделкой московского дома Плещеева (на Новой Басманной), украшенного пейзажными росписями около 1795 г. Там же обнаруживаются другие сходные детали художественной отделки.

Наддверные барельефы в полукруглых нишах были одним из наиболее активных элементов декора парадных комнат ермоловского дома в Красном. Часть их составляли многофигурные композиции на античные сюжеты, часть имели нейтральный растительный характер. Аналогичные им по внешней форме и по размерам рельефы служили типовым украшением фасадов и интерьеров

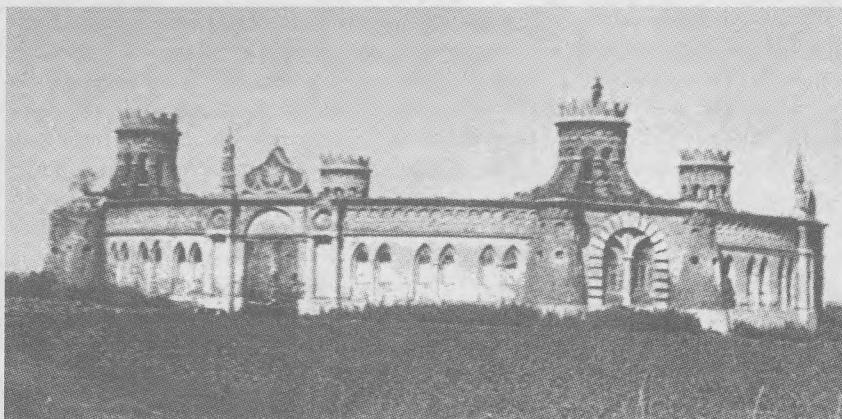
городских и загородных особняков конца XVIII в. И, хотя они являли собою, как правило, «массовую продукцию» скульптурных мастерских допоярной Москвы, хотошо известно, что в разработке моделей образцов для дальнейшей их отливки в гипсе или алебастре, принимали участие выдающиеся скульпторы эпохи (Ф.Шубин, П. Замараев и др.). Для истории создания усадьбы Ермоловых немаловажно, что в 1790-х гг., когда возводился и отделывался главный дом в Красном, подобные рельефы были неременной деталью убранства именно тех особняков Москвы, которые строились или отделываемых тогда по собственноручным проектам М.Ф. Казакова³⁴.

Ещё одна яркая особенность декора парадных интерьеров дворца в Красном — декоративные рельефы-арабески на поверхности стен, имитировавшие гирлянды из цветов, плодов, вазонов и прочего, с их яркой полихромной, подчеркнута натуралистической раскраской. Они не сохранились, но известны по фотографиям и рисункам В. Ушакова, и по обмерам 1960-х гг.³⁵ Нечто подобное можно различить на чертежах «казаковских альбомов»³⁶, но сами образцы такой отделки не дожили до наших дней, вероятно, погибнув ещё в пожаре 1812 года. Техника и мотив этого типа декора восходят к традиции европейского рококо, а самый близкий пример из числа сохранившихся и известных отечественных аналогов — это декорация залов Петергофского дворца, осуществлённая в 1770-х гг. по проектам архитектора Ю.М. Фельтена. Близкий вариант того же приёма обнаруживается вдали от обеих столиц — в интерьере Спасо-Преображенской церкви усадьбы Вишенки на Украине (П.А. Румянцева-Задунайского), также связанной, — по новой версии — с творчеством Ю. Фельтена, работавшего в конце XVIII в. по частным заказам аристократии³⁷.

Теперь поднимаемся в мезонин. Он был отведён под «апартаменты хозяйки»: парадная спальня, будуар, гардеробную и туалетную комнаты. Т.н. «спальня» занимала южную половину мезонина и более напоминала «диванную». В сложившейся и устойчивой усадебной легенде за ней утвердилось название «Екатерининской комнаты», чем подчёркивалось её мемориальное значение. Она была призвана свидетельствовать за-



Конный двор. Чертеж В. Ушакова. 1916-1924 гг. ГНИМА.
Публикуется впервые.



Скотный двор. Фото Т.П. Каждан. 1950-е гг.

менательную страницу биографии владельца усадьбы и высшую точку взлёта его судьбы. На парадный характер интерьера указывает его изящное убранство, как бы случайно объединяющее в себе две темы: нарядный классический коринфский ордер и элементы «готического» декора, условно апеллирующего к «рыцарской» тематике. Изолированное расположение комнаты, вознесённой над остальными, соединение в одном интерьере двух разнохарактерных художественных мотивов — «женского» и «мужского», служат дополнительным намёком на особое значение в семантике усадьбы этой «интимной» гостиной с символическим значением «Екатерининской спальни»³⁸.

Важный элемент художественной отделки интерьеров классицизма — печи и камины. Любопытно узнать, что рязанский помещик Ф.И. Бобарыкин, продавший А.П.Ермолову Красное в 1793 г., тогда же сделал в Москве большой заказ на печи для своего дворца в усадьбе Никольское (Осово)³⁹. Возможно, что вскоре его примеру последовал и А.П. Ермолов, также заказав в Москве набор печей для строящегося дома в Красном⁴⁰.

Нижний этаж дворца занимали недекорированные жилые или подсобные помещения.

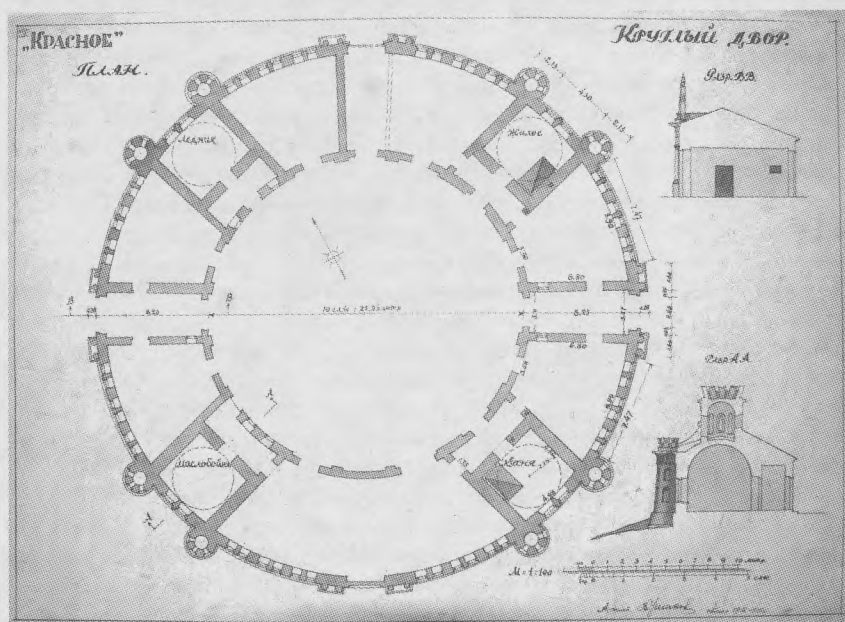
Современное состояние господского дома не утешительно⁴¹, что порождает сложности в его научной атрибуции и заставляет обращаться для этой цели к анализу архитектуры других построек ансамбля, и к более широкому кругу косвенных исторических свидетельств.

Другие постройки ансамбля

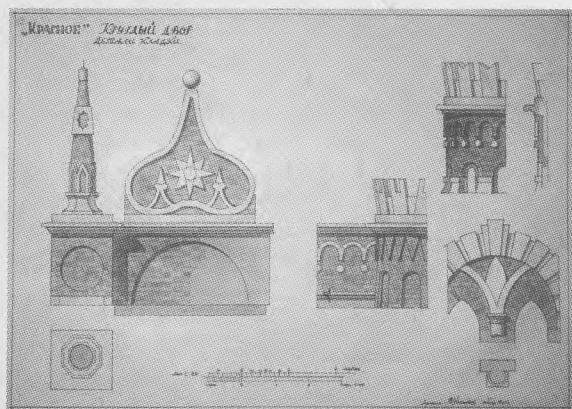
Вслед за господским домом письменные документы называют «два каменных флигеля двухэтажные с выходом», «крытые железом». Расположенные симметрично и одинаковые между собой, они франкировали парадный въезд в усадьбу на восточной границе парка наподобие «кордегардий», соединяясь с воротами линией ограды⁴². Один из флигелей предназначался для гостей, в другом находи-

лась кухня. Очевидна не только функциональная, но и стилистическая связь главного дома и флигелей. И там и здесь трехчастная структура объемов с возвышающимися мезонинами сочеталась с гладкими фасадами и стрельчатыми нишами, в которых помещались окна (во флигелях — прямоугольные). Каждому из корпусов предшествовал прямоугольный дворик с каменной оградой и воротами. На внешних углах ограды стояли восьмиугольные башенки с круглыми окнами и пирамидальными крышами, что придавало въезду в усадьбу условный образ «крепости» или «замка». Ворота на въезде в парк намечали направление продольной оси всего ансамбля, совпадающей с главной дорогой, пересекающей парк с востока до его границы на западе.

Углубляясь от ворот в глубину парка и дойдя до главного дома, дорога раздваивалась, огибая дом, а затем вновь сходилась, устремляясь в том же направлении. На противоположном от въезда конце она достигала «Парадных конюшен». «Конный двор» и «Кузница (единственные, как отмечалось выше, точно датированные 1795 г. постройки) в описи 1842 г. показаны как два самостоятельных объекта: «конный двор каменный с конюшнями крыт черепицею с колодцем..», а также «каменная кузница крыта черепицею, по сторонам ее две жилые комнаты для рабочих и дворовых людей, при ней двор с двумя жилыми комнатами крыт соломою...». И то и другое не сохранилось. Скорее всего, ко времени их возведения надо относить и «скотный двор каменный», также «крытый черепицею»⁴³, хотя по архитектурно-художественному решению Кон-



Скотный двор. План. Разрезы. Чертеж В. Ушакова 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Скотный двор. Детали фасадов. Чертеж В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.

ный и Скотный дворы усадьбы Красное не идентичны.

Скотный двор — самая выразительная по архитектуре из всех построек ансамбля, давно и широко известная благодаря её внешнему сходству со знаменитыми постройками В.И. Баженова в подмосковном Царицыне⁴⁴. Значительное по размеру сооружение расположено изолированно на юго-во-

сточной окраине ансамбля. Воздвигнутое на особом, специально подготовленном для него искусственном возвышении, оно соседствует с фруктовым садом и берегом Верхнего пруда. Вид на него открывается издалека при подъезде к усадьбе, а также с разных точек территории парка. Вместе с тем, оно вполне самостоятельно и больше связано с окрестным пейзажем, чем с другими постройками ансамбля. По общему решению объемной композиции и деталям здание уподоблено крепости с башнями и четырьмя воротами, одновременно напоминая «царскую корону» с оригинальными — «драгоценными» архитектурными украшениями. Необычен в сравнении с другими постройками ансамбля богатый пластический декор его фасадов с характерным сочетанием красного кирпича и белого камня, и присущим псевдоготике рисунком деталей декора.

И всё же нельзя не отметить, что, при всей оригинальности декора Скотного двора в Красном, некоторые из его деталей, отнюдь, не «эксклюзивны». Схожие элементы, обычно относимые на счёт «руки» В.И. Баженова, выявляются в ряде других построек конца XVIII в., причём не только в Подмосковье и Москве (в несохранившемся ныне северном притворе Архангельского собора Московского Кремля, archit. М.Ф. Казаков), но и вдали от столицы. Один из стилистически близких примеров — притвор Спасо-Преображенского собора в Чернигове (archit. И.Д. Ясныгин, кон. 1790-х)⁴⁵. Учитывая, что строительные приёмы и художественные мотивы могли распространяться не только архитекторами, но и подрядчиками (мастерами-каменщиками), атрибуция памятников по формальным деталям представляется не достаточно надёжной, в чем уже не раз убеждались исследователи. Один из таких примеров связан с историей изучения храма усадьбы Троицкое-Кайнарджи, долгое время приписываемого В.И. Баженову⁴⁶.

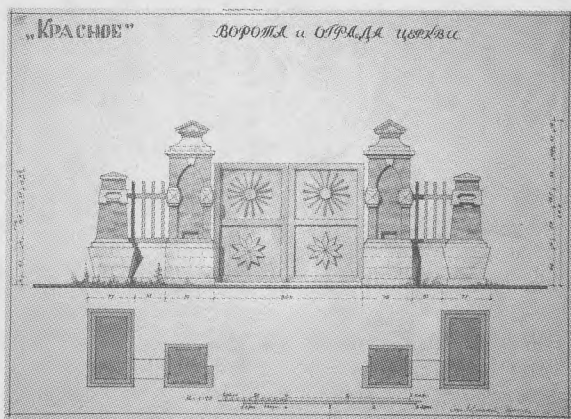
В отечественной псевдоготике конца XVIII в. выделяют два своеобразных художественных направления — петербургское и московское. Принято считать, что московские зодчие школы В.И. Баженова и М.Ф. Казакова в поисках «готи-

ческого» образа больше опирались на национальные традиции русской допетровской (г.о. «нарышкинской») архитектуры, хотя известно, что, как традиции, так и новации европейской архитектуры одинаково не были для них секретом. Петербургское направление в конце XVIII в. особенно ярко представлено творчеством Ю.М. Фельтена (1730–1801), тяготевшего к

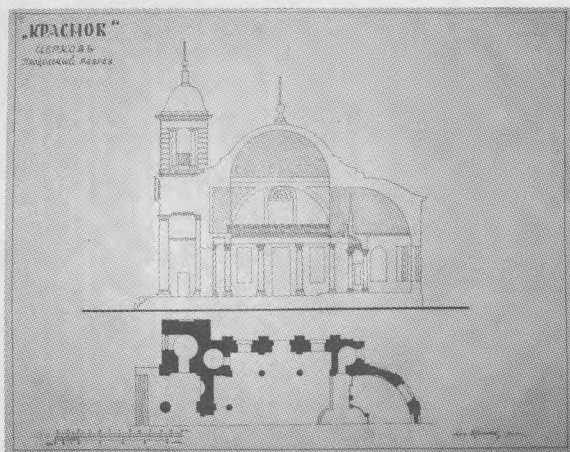
образам, так называемой, «английской готики». В Красном встретились обе традиции — петербургская и московская. Близость к первой отличает решение Скотного двора, ко второй — «готический» образ жилых построек усадьбы. Имя Ю. Фельтена выше уже упоминалось в связи с поисками аналогов декоративной лепнины интерьеров главного дома. Но, кажется, уместно воспользоваться ещё одним наблюдением, сделанным А.В. Чекмарёвым в связи с работой Ю.М. Фельтена по частным заказам. Названный исследователь отмечает, что характерной чертой усадебных ансамблей П.А. Румянцева-Задунайского, привлекавшего к работе Фельтена, является сочетание в них зданий «классического» и «неклассического» (чаще всего «готического») «вкуса»⁴⁷. Подобное совмещение обнаруживается и в рязанской усадьбе А.П. Ермолова.

Образцом «классического» вкуса в ансамбле хозяйственных построек усадьбы являлось (не сохранившееся ныне) здание Конного двора. Четыре одинаковых корпуса, так называемых, «парадных конюшен» с идентичным «безордерным» декором, характерным для раннего классицизма, располагались по периметру просторного квадратного двора; внешние углы на стыке корпусов были скруглены и подчеркнуты вертикалями башенок с остроконечными шпилями. Въезд во двор осуществлялся с внешней стороны объёма. Центр восточного фасада, обращённого к парку, был отмечен выступом полуротонды. Он соответствовал круглому помещению Манежа, вписанному в композицию здания и сверху выделенному куполом, возвышавшимся над общей кровлей⁴⁸. Фасад ротонды декорировали, кажется, круглые колонны и (или) плоские пилястры. Совпадая с главной осью ансамбля усадьбы, выступ ротонды был обращён ко входам-кордегардиям, обеспечивая композиционную взаимосвязь усадебных построек несмотря на значительные расстояния между ними.

Так же в «классическом вкусе» решена усадебная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Она расположена на юго-восточной окраине ансамб-



Ограда церкви Казанской Божией Матери. Чертеж В. Ушакова 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.



Церковь Казанской Божией Матери. Чертеж В. Ушакова.
1946 г. ГНИМА Публикуется впервые.

ля, на склоне холма над рекой — справа от подъездной дороги к усадьбе, предваряя подъезд к служебным флигелям-кордегардиям. Компактный объем кубического храма с полукруглым выступом апсиды венчал невысокий купол; рустованные боковые фасады декорированы плоскими четырёхпилястровыми портиками. Западная паперть перед входом имеет вид глубокого четырёхколонного

портика-лоджии, увенчанного треугольным фронтоном. Характерная особенность её композиции — «двухбашенная» («двухколоколенная») звонница с внутренними лестницами. Интерьер храма отличался изяществом декоративной отделки и оригинальностью иконостаса, не уступавшего художественным качеством знаменитым храмам Подмосковья. По давней традиции, в литературе обычно указывалось на сходство деталей внешнего и внутреннего устройства Казанской церкви в Красном с другими усадебными двухколоколенными церквями, которые признавали за постройки В.И. Баженова (Пехра-Яковлевское, Троицкое-Кайнарджи). Эта аналогия как будто бы дополнительно укрепляла авторитет гипотезы о причастности Баженова к созданию усадебных построек в Красном. Между тем, как теперь выяснилось, архитектура церкви в Троицком-Кайнарджи (1778-1784) — результат творческой компиляции, и с творчеством В.И. Баженова не связана⁴⁹. С учётом времени возведения Казанской церкви (1801-1809), новая атрибуция церкви в усадьбе А.П. Ермолова, предложенная А.В. Чекмарёвым, представляется особенно убедительной. Вполне вероятно, что особенности её архитектуры действительно восходят к идеям проектов небольших однозальных «сельских» церквей Д. Кваренги, творчески разрабатываемых архитектором в 1780-1790-х гг. в рамках традиций палладианства⁵⁰.

Таким образом, круг имен предполагаемых авторов, которые могли бы быть привлечены А.П. Ермоловым к созданию его усадьбы, неудержимо расширяется. Вслед за В.И. Баженовым и другими мастерами московской школы зодчества конца XVIII в., включая М.Ф. Казакова, на роль авторов построек с равным правом претендуют видные петербургские архитекторы Ю.М. Фельтен и Д. Кваренги, хотя отсутствие письменных свидетельств об их работе в Красном не позволяет нам и здесь выйти из рамок гипотезы. И всё же, почему-то не хочется расставаться с «баженовской версией»: смутное ощущение подсказывает действительное присутствие

здесь не только его «руки», но и как будто бы самого его духа. Достаточно взглянуть на общий план усадьбы с естественно и живописно распределёнными в его пространстве объёмами Конного и Скотного дворов, с оригинальными виртуозно проработанными планами этих построек, в целом восходящих, вместе с особенностями планировки парка, к архитектурно-пространственным и композиционным приёмам ряда известных подмосковных ансамблей (Царицыно, Быково, Марьинка Бутурлиных). В стилистическом отношении наиболее красноречива «псевдоготика» Скотного двора. В той же мере, несохранившийся Конный двор по общему решению объёмной композиции и характеру раннеклассицистического декора довольно близок к известной постройке баженовского круга — зданию Кригс-комиссариата в Москве (1770-1780-е). Наконец, даже планировка господского дома в Красном аналогична ряду московских баженовских особняков⁵¹. Чтобы хоть как-то разобраться в этих смутных ощущениях при отсутствии достоверных свидетельств, обратимся к личности заказчика — одного из главных создателей усадьбы.

К портрету заказчика

Александр Петрович Ермолов (1754-1834)⁵² принадлежал к старинному, но небогатому дворянскому роду. В возрасте 13-ти лет Екатерина II самолично забрала юношу из родительского дома и определила ко двору. Там в Петербурге он рос и воспитывался до 31 года, пока, наконец, не наступил его «случай»: на время с февраля 1785 до июля 1786 года А.П. Ермолов сделался фаворитом императрицы. По свидетельству современников, в том числе иностранных, в череде екатерининских фаворитов Ермолов был редкой фигурой: не жаждал власти, не вожделем богатства, избегал интриг, стремился к справедливости и дружеской благотворительности, проявлял усердие в самообразовании и «кабинетных занятиях»; при этом, по-своему искренне, пытался быть полезным в делах государства — оправдать своё предельно близкое к трону положение. Находясь при дворе и в близости к императрице, он пребывал в центре событий — на гребне противоречий многих личных и политических интересов; но также и в центре художественной и интеллектуальной жизни русской дворянской элиты. Ему благоволили С.Р. и А.Р. Воронцовы, Строгановы, И.И. Шувалов, А.А. Безбородько, то есть — главным образом, представители т.н. «английской



Звонница Казанской церкви.
Фото Т.П. Каждан. 1950-е гг.



Казанская церковь. Фрагмент интерьера.
Фото Т.П. Каждан. 1950-е гг.

(1720-1820), с которым и в дальнейшем его связывало масонское «братство». Вернувшись в Россию в 1788 г., А.П. Ермолов вышел в отставку в чине генерал-майора и поселился в Москве. Щедро одаренный Екатериной, он сделался богатым и в 1790 г. женился на княжне Елизавете Михайловне Голицыной.

Красное приобретено Ермоловыми в 1793 г. в связи с рождением первенца — Петра (1792); в 1794 и 1797 гг. у супругов родились сыновья Михаил и Фёдор. В 1800 г. А.П. Ермолов уехал за границу, выбрав местом постоянного проживания Австрию (Вену) и приобретя в 1820-х гг. у вдовы маршала Мюрата замок Фросдорф для летнего пребывания. События эпохи Александра I, включая наполеоновские войны, как и годы царствования Николая I, не оставили заметного следа в его биографии. Правда, большинство документов семейного архива осталось за рубежом. Местом упокоения А.П. Ермолова стал погост при Казанской церкви рязанской усадьбы Красное, перешедшей к младшему из сыновей.

Красное обустраивалось А.П. Ермоловым не для дохода, а для престижа — как летняя увеселительная резиденция. В конце 1790-х — 1830-х гг. число дворовых усадьбе не превышало 15-ти человек. Отсюда вывод: «Сам этот факт, наряду с отсутствием семьи помещика в списках прихожан Никольской церкви, является указанием на то, что семья Ермоловых не только не жила в усадьбе, но и наездами бывала крайне редко»⁵³. Удалённое от столиц имение, в момент его приобретения не было обременено излишними «затейми» прежних владельцев, что позволяло заново обустроить его по «собственному вкусу», особенности которого нам и предстоит выявить.

Художественный вкус А.П. Ермолова изначально — с конца 1760-х до середины 1780-х гг., формироваться в столичном Петербурге. Жизнь в стенах дворцов и царских апартаментах приучила его к роскоши обстановки, а личное при-

партии». И здесь для нас важно не то, как и почему он удостоился подобного исключительного положения, а то — как он использовал его в дальнейшем.

Отставленный от обязанностей при императрице в 1786 г., Ермолов испросил для себя пятилетний отпуск с правом отъезда за границу. Очевидно он стремился поскорее осуществить свою главную мечту: совершить гранд-тур по Европе в целях образования и самосовершенствования, что выдавало желание следовать примеру европейской аристократии эпохи Просвещения. Ермолов посетил Францию и Италию, дольше задержавшись в Англии. Путь из Неаполя до Лондона в 1787 г. он проделал в компании с известным масоном П.А. Левашовым

страстие Екатерины II к архитектуре позволило наблюдать диалектику все время меняющихся вкусов.

На глазах А.П. Ермолова в Петербурге 1770-х гг. строился Чесменский дворец, восходящий к проектам «Британского Витрувия» — архитектурным увражам, изданным в Англии в 1771 г. Соединив в своем облике внешне суровый вид здания в роде «средневекового замка» с нарядной отделкой светонасыщенных классицизирующих интерьеров, он явился «новым словом» в частном загородном строительстве. Тогда же образцы «английской готики» вдохновили Ю. Фельтена к созданию в Петербурге т.н. «Чесменской церкви» и храма св. Иоанна Предтечи на Каменном острове, утверждавших в рамках классицизма одно из романтических направлений современной архитектуры, легко прижившегося в ландшафте загородных поместий. Вне зависимости от все время меняющихся художественных предпочтений императрицы, А.П. Ермолов, допущенный в середине 1780-х гг. в её апартаменты, мог в полной мере насладиться изысканной роскошью интерьеров как парадных (Столовый, Тронный и Чесменский залы), так и интимных (будуар, опочивальня) комнат Петергофского дворца, перестроенных или обновлённых тем же Фельтеном в конце 1770-х гг. Можно предположить факт личного знакомства Ермолова с названным архитектором: в 1786 г. Екатерина подарила своему фавориту участок под строительство дома на Адмиралтейском проспекте⁵⁴, застройку которого по утверждённому для всего города плану курировал непосредственно Ю. Фельтен⁵⁵. В той же мере Ермолов стал свидетелем нового предпочтения императрицей «итальянского» (т.е. «палладианского») вкуса Дж. Кваренги, что и нашло выражение в архитектуре Казанской церкви в Красном.

Говоря о художественной среде, влиявшей на формирование вкуса, напомним о заграничных впечатлениях Ермолова, и о том, что с 1791 г. он поселился в центре Москвы на Тверской ул, в одном из лучших классицистических особняков старой столицы⁵⁶. Построенный в 1770-х гг. М.Ф. Казаковым для графа В.Г. Орлова, дом Ермолова отличался редкой изысканностью отделки интерьеров. В свою очередь, супруга А.П. Ермолова была хозяйкой одного из лучших домов на Пречистенке⁵⁷.

Наконец, важно напомнить, что 3 июня 1785 г., тогда еще находясь при императрице, А.П. Ермолов стал невольным свидетелем драмы, состоявшейся в подмосковном Царицыне и предопределившей печальную будущность баженовского ансамбля⁵⁸. Художественный эффект оригинальных построек В.И. Баженова, должно быть, только усилился в глазах фаворита на фоне гнева Екатерины в адрес зодчего, заподозренного в «масонском заговоре». Отсюда же, как бы сами собою, возникают вопросы,



Казанская церковь. Деталь интерьера.
Фото Т.П. Каждан. 1950-е гг.

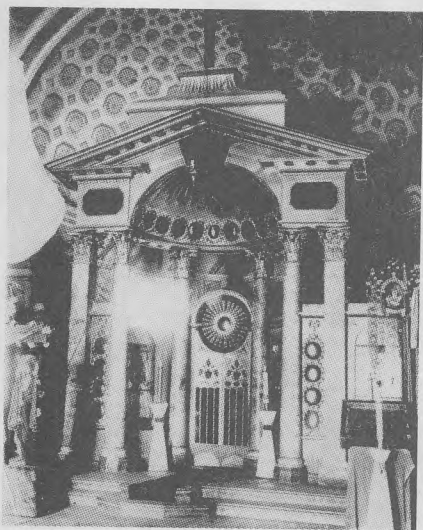
прямо относящиеся к обстоятельствам создания архитектурного ансамбля Красного: как оценил тогда Ермолов архитектуру баженовских построек, каково было в то время его личное отношение к масонству, и, наконец, в какой степени он зависел в своих духовных и художественных предпочтениях от мнения высочайшей благотворительницы? При отсутствии письменных свидетельств, наиболее красноречивые ответы может дать усадьба Ермолова, предоставившая возможность её создателю суммировать главные жизненные и художественные впечатления в пространстве нескольких сот десятин усадебного парка.

Как и множество других усадеб эпохи Просвещения, Красное буквально опутано мифологией. Уходя корнями ко временам А.П. Ермолова, она устойчиво сохраняется вплоть до нашего времени. В этой мифологии тесно пересекаются два главных сюжета: один из них связан с именем В.И. Баженова, второй — с императрицей Екатериной II. Издавна бытовавшая версия о посещении Екатериной ермоловского дома в Красном легко опровергается историческими документами. Напротив, гипотезу о причастности В.И. Баженова к созданию ансамбля усадьбы не удаётся ни подтвердить, ни опровергнуть. Личное знакомство А.П. Ермолова и В.И. Баженова в принципе вероятно, но никак не подтверждено документами; вместе с тем, его нельзя исключать, допуская возможность масонских связей⁵⁹.

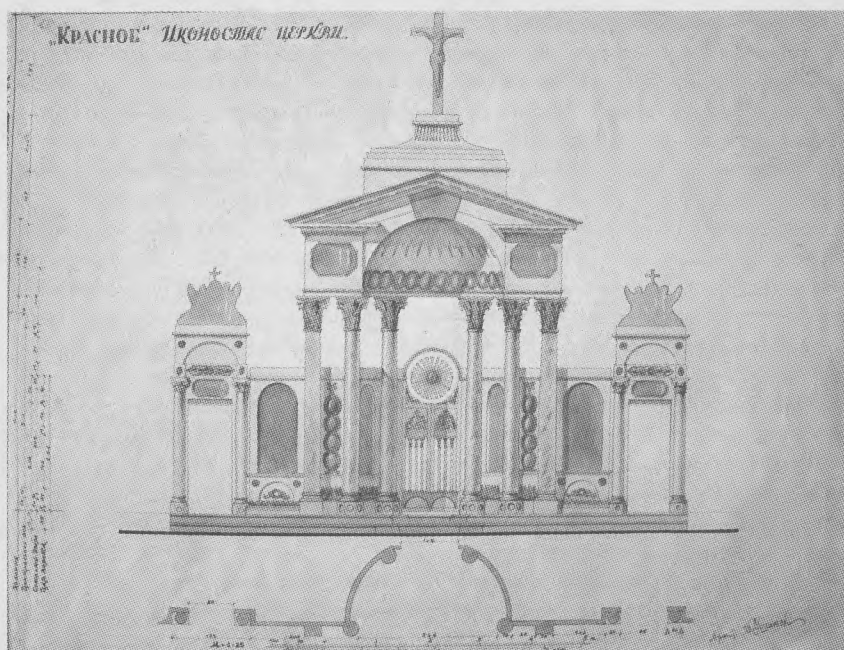
Кажется, ещё недавно в господском доме Красного можно было увидеть необычный предмет — таинственный молоток, принадлежавший некогда А.П. Ермолову⁶⁰. Символизируя вообще «масонские работы», он одновременно свидетельствовал о претензиях его владельца на роль «строителя», как такового, обладающего секретами «мастерства». Не

менее красноречива и упоминаемая нами гравюра, изображающая «Конный двор с Кузницей»⁶¹ и снабжённая двуязычной подписью, которой заказчик заявлял о себе как о «строителе» названных зданий, а шире — о принятии на себя роли «Великого архитектора» собственной усадебной Вселенной. Примерно так же экспонировал себя современникам известный масон князь А.И. Вяземский, возводивший в эти же годы усадебный дворец в Остафьево «по собственному проекту», а в дальнейшем поместивший чертёж фасада здания дворца в его интерьере на видном для посетителей месте.

В контексте доступных нашему знанию представлений о традициях масонской культуры, в ансамбле за-



Иконостас Церкви Казанской Божией матери в с. Красном. Фото В. Ушакова. 1916 г.



Иконостас Казанской церкви. Чертеж В. Ушакова. 1916 г. ГНИМА. Публикуется впервые.

городной усадьбы А.П. Ермолова не покажется случайной архитектура «круглого» Скотного двора даже вне доказательств её связи непосредственно с В.И. Баженовым. Особое, изолированное положение этого здания в ландшафте, его «круглый» план с просторным внутренним двором, замысловатые башни и ворота, глядящие по четырём сторонам света, таинственные узоры-иероглифы в декоре, сходные с баженовскими постройками Царицына — всё к тому, чтобы увидеть в этой утилитарной по определению постройке дополнительную функцию вроде «храма Солнца» или масонской «мастерской». Задавшись целью, можно перейти к выявлению в планировке парка воплощённой символики чисел, разглядеть в усадебном дворце Ермоловых «масонский дом», а в «диванной комнате» мезонина (т.н. «Екатерининской спальне») — «ложу» «масонского гнезда». Но спешить не следует: ведь это лишь наши догадки — плоды вольной фантазии, подогретой частичным «полузнанием» при ограниченности представлений о традициях, безвозвратно канувшей в Лету, страницы культуры масонства как части традиций Просвещения. Недоступная «профанам» из числа тогдашних современников, «таинственная» в буквальном смысле этого слова, она вряд ли может быть теперь раскрыта нами во всей её полноте и многозначности. К тому же, как известно, не только масоны прибегали к общеизвестному языку аллегорий и символов, формируя семантическое поле в пространстве собственной усадьбы. Численная ограниченность семантических «фигур» при многозначнос-

ти несомых ими смыслов, делает почти неуловимой разницу между «масонскими» и «немасонскими» текстами усадебных ансамблей. Несмотря на то, современник А.П. Ермолова князь С.Ф. Голицын (при Павле I кавалер ордена Св. Иоанна Иерусалимского) был известным противником масонства, в архитектуре лично созданной им усадьбы Зубриловка (Саратовской губ.) выявляется немало признаков, внешне тождественных масонской символике. И этот пример не единичен.

В семантике ансамбля усадьбы Красное, на наш взгляд, сильнее ощутимы не столько традиции масонства, сколько идеалы рыцарства, связанные с искренней преданностью владельца памяти императрицы Екатерины II. Складывается впечатление, что Александр Петрович Ермолов сотворил в духе и в материи нечто вроде «Ордена Екатерины», первым рыцарем которого он сам себя почитал. И в этом смысле дворец усадьбы Красное, не столько «масонское гнездо», сколько замок «Прекрасной Дамы». «Рыцарской теме» вполне отвечают «готический» образ усадебного «замка», такой же декор интерьера «Екатерининской спальни»; и даже подчёркнутое внимание владельца к «парадным конюшням» в целом не выходит из контекста традиционных «рыцарских забав». Надпись, начертанная в своё время на фронте усадебного храма — самый красноречивый документ, свидетельствующий о том, что усадьба Красное — своего рода мемориал светлой памяти «Великия Екатерины», и главное в этой памяти — чувство благодарности фаворита за «щедроты» императрицы, вознесший его к вершинам возможного благополучия.

Что же касается архитектуры усадебных построек в рязанском имении А.П. Ермолова, то она, со всею очевидностью, отражает широкий спектр жизненных и художественных впечатлений его владельца, а также доступных ему связей с известными архитекторами обеих столичных школ. Общие результаты исследований склоняют к выводу о том, что подрядчики, работавшие в Красном, были, скорее всего, московские. То есть те, кто немногим ранее строил с В.И. Баженовым в Царицыне, и те, кто вместе с М.Ф. Казаковым создавал на рубеже XVIII-XIX вв. классицистическую «допожарную» Москву. Стилистическое разнообразие усадебных построек Красного можно трактовать в контексте сознательного желания владельца усадьбы представить в художественно-ассоциативных образах архитектуры наиболее яркие жизненные впечатления или особенно значительные страницы собственной биографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О нём известно не много. По сведениям Н.А. Кожина, В.В. Ушаков — уроженец близлежащего к Красному уездного г. Михайлова (бывш. Рязанской губ). Ранние фотографии, рисунки и чертежи усадьбы подписаны 1916 — 1924 г. В начале 1960-х гг., желая привлечь общественность к реставрации памятников усадьбы, В.В. Ушаков устроил выставку своих работ в Московском Союзе архитекторов, сопроводив её научным докладом. В 1966 г. материалы В.В. Ушакова поступили на хранение в ГНИМА им. А.В. Щусева. Используя чертежи Ушакова для иллюстрации настоящей статьи, выражаем нашу благодарность г-ну директору ГНИМА

- Д.А. Саркисяну и научн. сотр. Т.А. Дудиной за бережное сохранение материалов и за предоставление их для нашей научной работы.
2. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Ред. В.Н. Сторожева. Том 1. Вып.3. Рязань, 1904. С.819.
 3. ГАРО. Ф. 627. Оп.1. Д.1а. Л.46об. — Полный объем исследований приведен в недавней публикации: Д.Ю. Филиппов. История усадьбы «Красное» в материалах Государственного архива Рязанской области // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 2008. С. 405-420. — Ссылки на материалы ГАРО даны соавтором (Л.А. Перфильевой по материалам рукописи).
 4. ГАРО. Ф. 892. Оп.6. Д. 2439. Л.34, 36.
 5. ГАРО. Ф. 2. Оп.1. Д.1816.
 6. ГАРО. Ф. 726. Оп.4. Д.222. Л.1.
 7. Чижов А.Б. Подмосковные усадьбы. М., 2006. С.120
 8. ГАРО. Ф. 726. Оп.44. Д.533. Л.2-3.
 9. ЦИАМ. Ф. 45. Оп.1. Д.108. 1793 г.
 10. В книге: Михайловский Е., Ильенко И. Рязань. Касимов. М., 1969. С. 196-198 — владелец усадьбы ошибочно, а быть может и сознательно(в целях сохранения памятников архитектуры) отождествляется с известным генералом и дипломатом Алексеем Петровичем Ермоловым (1777-1861).
 11. Ф.А. Ермолов (1797-1842) — владелец Красного с 1834 по 1842 гг.
 12. ГАРО. Ф. 637. Оп.41. Д.134. Л.6-7об. 1841 г.
 13. Была выявлена Д.Ю. Филипповым в фондах Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ. фонды: КП-5461). — Подпись по-русски и по-французски. — Теперь опубликована. См.: Д.Ю. Филиппов. Указ. статья. — Рязань, 2006. С.416.
 14. ГАРО. Ф. 726. Оп.44. Д.533. Л.9. 1805 г.
 15. ГАРО. Ф. 627. Оп.68. Д.343. Л.7об.
 16. ГАРО. Ф. 637. Оп.24. Д.265. Л.1-2. 1824 г.
 17. ГАРО. Ф. 637. Оп.41. Д.134. Л.11.
 18. ГАРО. Ф. 637. Оп.42. Д.250. Л.8. 1842 г.
 19. ГАРО. Ф. 1558. Оп.1. Д.262. Л.2. 1853-1854 гг.
 20. ГАРО. Ф. 150. Оп.4. Д.19. Л.8. 1886 г.
 21. ГАРО. Ф. 150. Оп.4. Л.408. Л.12об.-15об. 1909 г.
 22. ГАРО. Ф. 98. Оп.99. Д.11. Л.14-14об. 1887-1910; Ф. 150. Оп.4. Д.407. Л.44. 1909-1917; Ф. 829. Оп.1. (Михайловский у-д). Д.1758. Л.1. План Рязанской губ., Михайловского уез., имения «Красное» владения М.Я. Астафьевой.
 23. О дальнейшей судьбе усадьбы: В 1918 г. помещика прогнали, усадьбу разграбили. «Охранные меры» свелись к созданию в ней Шепелевского участка «эпидемиологической базы», а с 1928 г. — Красноводского медицинского участка. В 1930-40-х в усадьбе находился детский туберкулезный санаторий, после войны переведённый в Кирицы. Дом в Красном отдала районной больнице: при ремонте в 1946 г. из «гигиенических соображений» в нём уничтожили художественную отделку интерьеров. В 1960-е гг. делалась попытка научной реставрации памятников ансамбля. Сделаны обмеры, разработан эскизный проект (Рязанская област-

- ная научно-реставрационная мастерская). Производство работ не состоялась.
24. ГАРО. Ф. 892. Оп.6. Д.2439. Ок. 1771 г. Л.34.
25. ГАРО. Ф. 637. Оп.41. Д.134. Л.6-7об. 1841 г.
26. ГАРО. Ф. 117. Оп.26. Д.24. 1842-1847.
27. ГАРО. Ф.150. Оп.4. Д.55. 1887 г. Л.7-12.; Там же. Л.33-34.
28. По данным 1840-х гг.
29. Разобран в 1940-х гг.
30. По традиции местного краеведения, к которой примыкал В.В. Ушаков, прежде предполагалось, что вестибюль появился при П.Н. Реткине (1854-1883), поскольку было замечено, что он выполнен вприкладку и из другого кирпича, что на его фасаде есть межэтажный карниз, отсутствующий на фасадах основного объема и др.. Новыми исследованиями выявлена идентичность кирпича в пристройке вестибюля с кирпичом «готического» (т.н. «баженковского») Скотного двора. Отсюда новое предположение, что первым начали строить дом и флигели, затем приступили к возведению Скотного (круглого) двора, и — одновременно с этим и их того же материала, к господскому дому пристроили северный вестибюль с овальной лестницей.
31. 1850-е гг. Архит. К. Симон.
32. Архитектурные альбомы М.Ф. Казакова. Альбомы партикулярных строений. Жилые здания Москвы XVIII века. Под ред. Е.А. Белецкой. М., 1956.
33. При Жилинских комната служила библиотекой (по сообщ. В. Ушакова)
34. Дом А.Н. Голицына на Лубянке (1791); М.П. Губина на Петровке, И.И. Барышникова на Мясницкой, Е.И. Козицкой на Тверской (на фасаде), И.И. Демидова на Гороховом поле — все 1790-х гг. Такие же рельефы на фасаде дома Хомяковых в усадьбе Богучарово, Тульской губ. — кон.XVIII в.
35. Выполнялись специалистами Рязанских областных научно-реставрационных мастерских в 1960-1970-е гг.
36. Архитектурные альбомы..., с. 167. Дом К.Г. Разумовского (Н.П. Шереметева). 1780-е гг.
37. Чекмарёв А.В. Двухкололенные храмы в усадьбах графа П.А. Румянцева-Задунайского // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. №12 (28). М., 2006. С. 537-563.
38. По сведениям, собранным В.В. Ушаковым в 1916-1924 гг.
39. Эти сведения любезно предоставлены нам искусствоведом В. Зубаревым. — Не исключено, что продажа А.П. Ермолову Красного в 1793 г. как раз и была связана с большими расходами по устройству собственного старинного имения, принадлежавшего Бобарькиным с сер. XVIII в.
40. Кафельные печи и мраморные камины, служившие в Красном украшением парадных апартаментов, известны по поздним фотографиям и рисункам В. Ушакова: то есть, очевидно, с изменениями, возникшими в результате поздних ремонтов, но в целом они соответствуют их первоначальному виду.
41. Советский период в истории памятника — этап активного уничтожения его художественной ценности. В здании, уцелевшем в войну, в 1946 г. разорили классицистические интерьеры, уничтожили художественный декор парадного этажа: фигурную лепнину сбили, барельефы сняли со стен и выбросили, живописные панно закрашили. Внутреннюю планировку изменили. Для увеличения высоты помещений нижнего этажа опустили уровень его пола, разобрав верх сводов подвала. Окна нижнего этажа увеличили рас-

58. Василий Иванович Баженов. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы // Сост., вступ. ст. и прим. Ю.Я. Герчука. М., 2001. с.263. Док. №№ 201-203.
59. В списке членов российских масонских мастерских (А.И. Серков. Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2002) имя А.П. Ермолова не встречается, что не исключает вероятности его вступления в одну из лож в Европе.
60. «Строительной молоток с орнаментированной ручкой из цинкового сплава», упоминаемый в книге Е. Михайловского и И. Ильенко (с.197), в своё время зарисовал В. Ушаков. — ГНИМА. Фонды.
61. Подробности о семантике «Кузницы» в масонской усадьбе см.: Нащокина М.В. Русский масонский сад // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. №12 (28). М., 2006. С. 513-514.